

Міністерство культури і туризму України
Відділ культури і туризму Охтирської міської ради
КЗ «Охтирський міський краєзнавчий музей»

**КОЗАЦЬКІ СТАРОЖИТНОСТІ
ЛІВОБЕРЕЖЖЯ ДНІПРА
XV-XVIII СТОЛІТТЯ**

Збірник матеріалів
I Міжрегіональних археологічних читань

(Охтирка, 19-20 жовтня 2015 р.)

Суми
2015

ОБЫДЕННЫЙ АСПЕКТ В СУБКУЛЬТУРЕ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ И ФОРМЫ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ (XVIII-XIX вв.)

В 1695 г. Петр I, борясь за выход к южным морям, как известно, предпринял поход к Азову. В 1699 г. между Россией и Турцией велись переговоры о прекращении войны. «Тогож року войска Козацкия покоя ради никуда не ходили, но в домех пробували...» [1, с. 3]. В ноябре 1699 г. был оформлен союз России и Речи Посполитой против Швеции. Оба государства согласились «иметь войну обще против Свейской короны за многие их неправды». Россия 9 августа 1700 г. объявила Швеции войну.

В начале XVIII в. был создан кадровый Стародубовский (Стародубский) полк. Началась его история, параллельно идущая с историей территориального полка как казачьего местного сообщества, то есть региона.

История субкультуры казачества как бы раздвоилась. Возникло две ее ветви.

Одна субкультура продолжала трансформироваться в ее новом носителе – кадровом казачьем полку, сформированном из местных казаков, принимающем участие в боевых действиях – походах – покинувшем регион образования полка и меняющем свои названия.

Другая ветвь – история субкультуры территориального полка, то есть продолжающего проживать оставшегося в регионе казачьего сообщества, которое также называлось «полк», – закончившаяся к концу века формальным упразднением в регионе казачества и, следовательно, казалось, исчезновением его субкультуры. Но «упразднить» субкультуру с помощью правового запрета государством казачества в регионе оказалось невозможным.

Особенно специфические элементы казачьей субкультуры проявляются и сохранились в традициях, образе жизни, мировосприятии, фольклоре и особенно ярко – в песенной традиции. Казачьи песни исторические, военно-бытовые, свадебные, лирические, плясовые, шуточные [2, с. 5].

Наиболее традиционные казачьи песни героической тематики. В народно-песенной традиции казаков прославляются патриотизм, мужество, храбрость, стойкость. Помимо героического эпоса, обнаруживаются и общественно-бытовые,

эстетические, и нравственные мотивы. Тема разлуки с родиной, семьёй, матерью, смерть на чужбине, тема супружеской неверности, несчастной любви. Реализация нравственно-эстетических идеалов в текстах казачьих песен осуществляется чаще всего через символические ситуации, символическое поведение.

В Черниговском архиве сохранилась песня любовной тематики, изобилующая народнопоэтическими образами-символами:

*Чом дуб не зелений ! // Чи градом побило. //
Козак не веселий // Лихая година //
Молодий козаچه, // Чего зажурився //
Чи воли пристали, // Чи з доріжки збився //
Воли не пристали // З доріжки не збився я //
Полюбив дівчину // Та й не ожинився //
Полюбив дівчину – // Засватали люде. //
Мені молодому // Парочки не буде //
Тільки мені пари, // Що очиці карі. //
Тільки і любові // Що чорнії брови. //
Пішов козак ярюм // Дівка долиною. //
Зацвів козак терном // Дівка калиною. //
Козакова мати // Пішла терну рвати //
А дівчина мати // Калину ломати. //
Це ж не терночок // А це ж мий синочок. //
Це ж не калина // Це моя дівчина [3, с. 4].*

Подобная символичность характерна и для лирических произведений казацкой тематики, зафиксированных на территории современной Брянской области, хотя в большей степени она свойственна все же не песням, передающим переживания мужчины, а репертуару, бытующему в основном в женской среде. Трансформация субкультуры привела к тому, что отличительной особенностью «женских» песен стало то, что казак в них обычно лишен каких-либо социальных, эстетических и нравственных характеристик, свойственных собственно традиционной казацкой песенной традиции. Им стал влюбленный парень, жених, сосед или же «коварный соблазнитель»:

*Там, кала речки, ой, там, кала броду //
Пакликав казаче дявчину в камору. //
Пакликав казаче дявчину в камору-й. //
/«Ни пайду, казаче, ни пайду в камору. //
Я ще маладая – баюсь абгавору». //
«Ни слухай, дивчина, ни бойся никога-й: //
Казак маладенький – ни зроби ничёга». //
Ни спала я нощку, ни спала другу, //
На треттяю нощку лягла да-й уснула-й. //*

*На треттяю ночьку лягла да-й уснула, //
Казак насмявся – дявчина ни чула. //
Праснулася девка, яе сердце бьется – //
Казак кала бока ляжить да смяется. //
«На тебе, девка, три рубли да на мыло, //
Три рубли да-й на мыло, а девять на пиво. //
Мылам намывайся, пивам напивайся, //
А маманьке сваей ни признавайся». //
Папінька-й услышив, мамінька-й узнала: //
«Иди туда, дочка, где ночь начавала. //
Тяперь же ты, дочька, ни дева, ни вдавица, //
Тяперь же ты, дочька, навек пазорница» [4, с. 2].*

Понятие «казак» утратило свое особое специальное значение, что отразилось в фольклоре.

Кроме того, исследователи не обнаружили ни одного текста в записанных ими лирических произведениях казацкой тематики, в котором бы упоминались герои украинского героического эпоса (Богдан Хмельницкий, Иван Богун, Данил Нечай, Максим Кривонос и др.) [5, с. 6].

Изменялись и семейные традиции, и быт, хотя вначале они соблюдались строго наряду с заповедями господними, как жизненно необходимые традиции в каждой казацкой семье. Несоблюдение осуждалось.

Семейную жизнь казаки ценили, к женатым относились с уважением, хотя военные походы мешали этому. Однако развратников холостые казаки в своей среде не терпели, в ранний период субкультуры они наказывались смертью. Летописи и переписка царей не упоминают жен казаков, но никаких законов о безбрачии у казаков не существовало. Запрет на связь с женщинами действовал только в походах, как и «сухой закон», для поддержания дисциплины.

Процесс создания новой казацкой семьи был прост. Вначале генезиса субкультуры было так: жених приводил невесту на майдан. Атаман перед лицом всех казаков спрашивал молодых, любви ли они друг дружке, и объявлял их мужем и женой. Создание семьи сопровождалось и церковным обрядом. Однако без согласия родителей создать семью было сложно, так как они принимали непосредственное участие в этом процессе. Развод у казаков был редким, хотя вначале и легким – казак и его супруга снова приходили на майдан, муж свидетельствовал, что она была хорошей женой, но любви больше нет. И слегка отталкивал ее от себя. После чего другой холостяк был вправе накрыть ее полой зипуна, предлагая ей себя в мужья. Это вначале отличало казацкую семью от обычной русской семьи.

В семейном быту взаимоотношения между мужем и женой определялись христианским учением, но казак не должен был вмешиваться в женские дела, а казачка – в мужские. Обязанности определялись жизненными обстоятельствами. Кто и что в семье должен делать – разделено.

Придерживались правила, чтобы никто не вмешивался в семейные дела. Родители старались не выяснять своих отношений в присутствии детей. Жена к мужу в знак почитания его родителей обращалась по имени и отчеству. На людях муж и женой вели себя сдержанно и даже отчужденно. Казачка считала грехом и даже позором появиться на людях с непокрытой головой или носить мужскую одежду, стричь волосы. Казак называл незнакомую женщину – казачку старшую по возрасту «мамашей», равную – «сестрой», младшую – «дочкой» («внучкой»).

Жену звал по имени, усвоенному с молодых лет, пожилых женщин – нередко «матерью», или обращался к ней по имени и отчеству. Таким отношением к женщине (матери, жене, сестре) измерялось достоинство казака-мужчины. Оно обуславливало понятие чести казачки (жены, дочери, сестры).

Женщины не присутствовали на сборе (круге) даже для разрешения вопросов личного характера. За женщину ходатайствовал, подавал прошение отец или старший брат, крестный или атаман. Предполагалось, что женщины в наделении правами мужчины не нуждаются, так как и без этого пользуются почитанием и уважением.

Почитание родителей, крестного и крестной стало потребностью сына и дочери. Сыновний долг считался исполненным тогда, когда были проведены поминки в сороковой день после смерти родителей.

Большую роль играли крестные мать и отец. Крестная вместе с матерью готовила девушку-казачку к замужеству, приучала ее к хозяйству, рукоделию. Главной обязанностью крестного отца считалась подготовка казачонка к службе. За военную подготовку спрос с крестного был больше, чем с родного отца.

Авторитет отца с матерью считался непререкаем. Полагали, что без благословения родителей нельзя начинать работу, принимать решение по наиболее важным делам. Непочитание воспринималось как большой грех.

Старшинство вначале являлось жизненным укладом казачьей семьи и всего казачьего общества, естественным в повседневном быте. В обращении со старшими соблюдались сдержанность и вежливость.

Менее всего трансформировались более простые обыденные обычаи, такие как приветствия. Если новоприбранные казаки их использовали, то создавалось впечатление о них, что они – казаки.

В обыденной казачьей жизни и другие особенностей, которые порождались условиями жизни. Казак никогда под ручку с женой не появлялся на улице. Она шла сзади или сбоку. Казак не носил ребенка на руках. Такое поведение обуславливалось заботой о вдовах казаков, потерявших мужей в походах.

Домашнее хозяйство лежало на старшей казачке – матери, так как казак большую часть времени проводил в походах, на службе и его пребывание дома было кратковременным. Но главную роль в семье и в обществе принадлежала казаку: на нем было материальное обеспечение и поддержание традиций и обычаев казачьего быта. Слово казака, как хозяина семьи, было окончательным для всех членов семьи, а пример в этом подчинении подавала детям жена казака. Сами казаки дома были спокойны и гостеприимны.

Однако исследователи отмечают в характере казака некоторую двойственность: веселость, беззаботность, шутливость могли быстро сменяться на грусть, молчаливость, отстраненность, неприступность. Исследователи объясняют это тем, что казаки, постоянно встречаясь со смертью, старались таким образом отстраниться от нее с помощью беззаботности и выпавшей на их долю радости. Нахождение казака дома, рядом с женой и детьми почиталось счастьем. Особенно в исторические периоды невзгод.

В обычной спокойной традиционной жизни ко всем гостям проявлялось уважение, которое обуславливалось тем, что гость считался посланцем божьим. Особенно дорогим гостем почитался человек незнакомый, прибывший из дальних мест, который нуждался опеке, приюте и отдыхе. Гостю отводилось лучшее место за столом, до истечения 3-х суток гостя не спрашивали зачем и откуда он прибыл. Ему старался уступить место даже старик. Кто не оказывал уважения гостю, в казачьем обществе презирался.

Изначально у казаков была традиция не брать еды ни для себя, ни для коня на время поездки по делам или в гости. Родственные и дружеские связи казаков по различным хуторам и станицам, в которых у него были родственники и друзья (кум, сват, сослуживец), и наконец, обычай, когда любой житель встретит его как дорогого гостя, позволяли казаку так вести себя в поездке. Казаки на постоялых дворах останавливались редко, скорее, в поездках на ярмарки и в города.

Жилье казаков было своеобразным. Особые условия жизни казаков, влияние военных и климатических составляющих внесло в строительство казачьих домов некоторые особенности. Покрытые чаще соломой крыши домов у простых казаков и лубом у атаманов, при этом в начале по размеру дома знатного и богатого казака не особенно отличались от домов бедных казаков. При этом и у богатых, и у бедных казаков дома всегда были чистыми, ухоженными, как с наружи, так и внутри. Но потом началось и резко усилилось расслоение среди казачества и все изменилось.

Во дворах, рядом с домом располагались хозяйственные постройки, их количество зависело от зажиточности казака, чем зажиточней казак, тем больше у него было сараев и хлевов. Самым значимым строением в казачьем дворе была конюшня. Строилась летняя кухня. Приготовление пищи и ее прием в летней кухне освобождало дом в теплое время года.

Свою одежду казак стремился содержать чистой и не носил чужой одежды.

Однако эти традиции постепенно уходили в прошлое. Их поддержание зависело от передачи субкультуры следующим поколениям, в том числе через воспитание детей, которое изначально носило традиционный казачий характер.

С появлением на свет младенца родные и друзья отца приносили в дар, как говорили – «на зубок», лук, стрелы, ружье, патроны, порох, пули [6, с. 8]. Они развешивались в комнате матери с младенцем. Через сорок дней отец надевал на младенца портупею от шашки, как бы «сажал» его на коня, возвращал младенца, поздравляя мать с казакком. Когда у младенца прорезывались зубки, родители вновь сажали его на коня, везли в храм отслужить молебен Иоанну-воину. Первыми словами малыша становились «но» и «пу»: понукать коня и стрелять. Военные игры были главными у детей казаков. Трехлетние дети обязаны были уверенно ездить на коне по двору, а в 5 лет скакать в поле. У ребенка формировался образ казака, которому он подражал.

В сказках, рассказываемых на ночь ребенку, внушалось, что казаки всегда побеждают и умеют выходить из сложных ситуаций, и эти подвиги прославлялись в песнях взрослых, которые слышали дети о славе казачьей, битвах и героях. Превосходство казаков закреплялось в пословицах и поговорках, которые младшие слышали от старших, праздниками, которые проходили часто в состязательной форме: кто лучше поет, пляшет, стреляет, скачет.

Казаки внимательно следили за формированием казачонка. Матерям запрещали баловать детей: «Не портьте, бабы, казака!».

Если ребенок плакал, то ему внушали: «Не плач, ты же казак, а казак не плачет!» [6, с. 18].

Основное время препровождения казачонка – игры на улице со сверстниками. Игры, устоявшиеся веками, были направлены на развитие и проходили под надзором стариков. Если кто-то из детей вёл себя неправильно, старики строго поправляли его, и спорить запрещалось.

В 8 лет казачонка переселяли в мужскую половину дома. Повторный обряд посвящения проводился где-то в урочище, и теперь казачонку надо было овладеть нагайкой. Его также начинали приглашать на «беседы», что было очень важным делом [6, с. 19].

Основополагающим принципом существования у родовитых казаков был принцип рода, который объединял в себе прошлое, настоящее и будущее: заветы предков, жизнь настоящих поколений и деяния ради здоровой активной жизни будущих поколений рода. Быт у кровных родовитых казаков был подчинён этому принципу. Казачье общество делилось на соответствующие возрастные группы – «беседы». Старики, женатые казаки, холостые казаки, казаки-малолетки (не служившие), казачата-подростки и совсем маленькие казачата. У каждой из этих групп были свои «беседы». Выше всех в этой иерархической лестнице стояли старики, потому что, считалось, у них было всё для воспитания молодого поколения казаков: мудрость, знания, опыт, знания традиций и заветов предков. Каждая вышестоящая «беседа» шефствовала над младшей «беседой». В каждой «беседе» были наиболее достойные казаки, которые занимались воспитанием, обучением и досугом младшей «беседы». Это был способ передачи мировоззрения, традиций, профессиональных знаний и навыков подрастающему поколению наиболее полно и с учётом личного опыта.

В воспитании казака в данный возрастной период главным было научить преодолевать страх. Старшие внушали: «Не бойся, казак ничего не боится!» или «Терпи, казак, атаманом будешь!». Для этого было много игр, используемых для преодоления страха, фактически казаки играли в такие игры, чуть ли не всю жизнь.

С 12 лет казачонка приучали уже к боевому оружию. Каждый казачонок должен был пройти своего рода казачью школу выживания – «Спас», которая изначально создавала иллюзию, что казаки народ «родовой», с врожденными правилами поведения. Однако со временем родовые казаки исчезали, остались в меньшинстве, трансформация субкультуры усилилась, и менялось понятие «Спаса». Вхождение ребёнка в «Спас» начиналось с его крещения [6, с. 21]. У казачонка появлялись крестный и крестная

как духовные родители, которые отвечали за его казачье воспитание. По мере взросления задачи «Спаса» усложнялись. К физическому развитию казака вели в «Спасе» через восприятие духовности. «Казак не тот, кто победил, а тот, кто вывернулся», вышел из самой сложной жизненной ситуации – «спасся!». В «Спасе» есть несколько уровней подготовки. В нем соединяются в единое целое быстрое мышление казака для принятия решения и такое же действие для выполнения решения. Это два первых уровня подготовки.

При достижении второго уровня переходят к третьему уровню подготовки. У молодого казака развивают интуицию. Это для воина – самое главное. Она помогает казаку, как в мирской битве, так и в духовной. Схватка скоротечна, а подготовка к ней длинная. Внушалось, что так подготовленный казак выигрывает до самой решающей схватки. Воспитание умения управлять страхом, который человек изжить не может, так как это сохраняет ему жизнь, спасает.

Основным критерием для молодого казака, занимающегося «Спасом», являлась его нравственность. Со временем казак начинал понимать, что далее он пройти «Спас» не сможет, если он духовно не готов. Обойти это было трудно, так как казак начинал получать сначала небольшие, а затем серьезные травмы. Однако это школа для родовитого казака, а не «новоприборного».

Так как с восьми лет казачонка воспитывал еще и крестный отец, то кровный и крестный отцы дополняли друг друга так, что когда родной отец мог быть излишне мягким, то крестный – излишне суровым. Родной отец мог остановить крестного и наоборот.

Заботу о воспитании подрастающего поколения проявляли не только родители, но все взрослое население хутора, станицы. За непристойное поведение подростка взрослый не только мог сделать замечание, но и «надрать уши», «угостить» легкой оплеухой, сообщить о случившемся родителям, которые незамедлительно виновному «добавляли» и от себя.

С 12 до 16 лет – ещё один цикл в воспитании казака. С 12 лет казачонка начинали водить на круг (сход) и другие общественно значимые мероприятия. Его основная задача – смотреть и запоминать.

К 16 годам, по подготовленности молодого казака, его ждало более серьезное испытание. Часто это была охота на хищника (волка, кабана и пр.).

Считалось, что после такого воспитания и обучения получался казак.

Изменение политического, экономического, социального положения казачества в регионе постепенно трансформировали субкультуру. Ее возрождение происходило уже в искаженном виде: выростала дистанция власти, снижалась маскулинность по отношению к феминности, менялось отношение к неопределенности, нарушалась структура власти в казачьем сообществе и семье, прирастали не казачьи «ценности» других сословий.

Но некоторые традиции сохранялись лучше, например, обычаи приветствия казачества. Если новоприбывший казак использовал казачье приветствие, и ему отвечали, это означало его признание казаком. Приветствовали казаки друг друга, приподнимая свой головной убор, пожимали руки друг другу и одновременно спрашивали о здоровье, в том числе членов семьи, интересовались положением дел. Казачки слегка кланялись мужчине, приветствуя его. Между собой они обнимались, целовались и вели разговоры.

Когда казак подходил к группе казаков, он снимал шапку, кланялся и приветствовал словами: «Здорово, казаки!», «Здорово бывали, казаки!». Ему отвечали: «Слава Богу!» [6, с. 29]. После долгой разлуки казаки, встречаясь, обнимались, прикладывались щеками. Также поступали, прощаясь на долгое время. Целование допускалось отдельно только среди мужчин и отдельно только среди женщин. Целовались в праздник Воскресения Христова, на Пасху.

Входя в жилище, казаки, сняв шапку, крестились на образа, то же самое повторяли, выходя из дома.

Поскольку проводились казачьи построения, смотры, парады, то на них казаки отвечали на приветствие командиров по воинскому уставу: «Здравия желаю, господин...!». Во время исполнения гимна казаки по уставу снимали свои головные уборы.

В станице дети и взрослые здоровались с незнакомыми людьми. Младшие по возрасту казаки обращались не только к родным, знакомым, но и к незнакомым со словами: дядя, тетя, зная встреченного человека, называли его по имени. К пожилым казаку или казачке обращались, называя их батя, диду, баба, бабушка, потом добавляли имя, если знали этого человека.

В знак благодарности говорили слова «Спасибо!», «Спаси Христос», «Храни тебя Господь». В ответ отвечали словами «На здоровье», «Не за что», «Пожалуйста».

Извинялись словами «Простите меня, пожалуйста», «Прости Христа ради», «Прости, ради Бога».

Отношение к порокам было суровым, хотя во время потрясений отношение к ним изменялось, но изначально в субкультуре было заложено к ним неприятие.

Казаки не брали в долг, это считалось пороком. Надо было стараться обходиться тем, что есть у казака. Долг, полагали, хуже неволи. Но интересно, что как долг воспринимали проявленные к казаку уважение, доброту или бескорыстную помощь. За них надо платить тем же. Обман и словом, и делом воспринимали как самый отвратительный порок. Казак, не выполнивший данного им слова, лишался доверия товарищей: «Изверился человек в рубле, не поверят и в игле» [6, с. 24].

Пьянство казаки отрицали. Казака, умершего от перепоя, хоронили на отдельном кладбище вместе с самоубийцами, в могилу могли забить осиноый кол. Застолье было строгим. Детям запрещалось присутствовать и за столом, и даже в комнате при посторонних. В регионе было много старообрядцев, и в таких казачьих семьях запрещалось выпивать и курить.

В случае близких отношений до свадьбы, девушка считалась опороченной, виновника наказывали братья девушки, родные или двоюродные, поэтому лучше было урегулировать конфликт с помощью свадьбы.

За грех считали отказать в просьбе просящему в подаянии. К жадному человеку не обращались с просьбой. Если жадность проявлялась при исполнении просьбы, то отказывались от просьбы.

Жизнь в казачьей общине делала казаков привязанными друг к другу как к братьям, поэтому между ними были неприемлемы воровство и трусость. Однако, говоря о воровстве, нельзя забывать о «воровском» казачестве, так как грабеж и воровство у врага были в уважении. Преступлением не считалось воровство у врага и, даже, убийство врага.

Не любили казаки пустословия: «От лишних слов слабеют руки», «Кто развязал язык, тот вложил саблю в ножны» [6, с. 25].

Наказание провинившихся казаков было строгим, особенно за измену, трусость, убийство и воровство у своих: «В куль, да в воду».

Самым большим преступлением считалось убийство своего товарища. Смертью наказывалось насилие в христианских селениях, самовольная отлучка, пьянство в походе. Однако, запорожские казаки, например, творили насилие в «чужой» Северщине, хотя она и была формально частью Гетманщины.

Следствие вел обычно войсковой судья. Приговор исполняли чаще обычно сами осужденные, поочередно казнившие друг друга. За воровство могли приковать к позорному столбу и забить палками.

За оскорбление начальства и долг товарищу приковывали к пушке цепями, позже полагалась высылка в Сибирь.

За «великое» воровство (хищение в особо крупных размерах) виновных ждала шибеница – виселица. Ее можно было избежать, если какая-нибудь женщина хотела взять осужденного в мужья. Кроме шибеницы, запорожцы в редких случаях применяли заимствованный у поляков гак (крюк), на котором осужденный подвешивался за ребро и оставался в таком положении до тех пор, пока кости его «не рассыпятся». Пользовались они иногда острым колом, также перенятым от поляков. На Северщине это использовалось крайне редко. Но это быстро ушло в прошлое после ухода поляков, а с ними и влияния их культуры. Ожесточение приходило и уходило вместе с периодами смут и войн. В мирной обыденной жизни наказания смягчались, а с введением правового государственного российского регулирования все чаще заменялись ссылками виновных в Сибирь.

В обыденной мирной жизни казаки любили общение, застолье, выпить, повеселиться. Горилку подносили на подносе, если кто казался пьяным, то отправляли спать. Неволить пить было не принято. Рюмку в этом случае можно было просто поднять и пригубить: «Подавать можно, неволить нельзя», «Пей, но ум не пропивай».

Ранее в свадебных торжествах участвовали только женатые и замужние, молодежь проводила вечеринку до свадьбы, что укрепляло нравственность.

После долгой отлучки казак возвращался домой с подарками, когда шли в гости также несли подарки.

Долго сохранялись традиции крещения и погребения казака. В указанный для крещения день родственники с крестным и крестной являлись в храм к началу богослужения, а после окончания молитв переходили в отведенное место для крещения [7, с. 27].

Перед совершением таинства крещения должно было быть наречение имени, которое давалось обычно в честь кого-либо из святых православной церкви. При этом священник троекратно осенял его крестным знаменем и молил Господа быть милостивым к нему после присоединения его через крещение к церкви. Взрослый казак во время этой процедуры отрекался от дьявола, давал обещание служить не ему, а Христу. Почитанием символа веры подтверждал свою веру во Христа как царя и бога.

Когда же крестили младенца, то отречение от дьявола и всех его дел, а равно и почитание символа веры осуществляли от лица младенца его восприемники, то есть крестный отец и крестная мать. Они возлагали на себя обязанности научить его вере, когда он придет в возраст, и заботу о том, чтобы он жил по-христиански.

Жизнь казака часто была недолгой и заканчивалась, как и рождение, также обрядом. После смерти казака тело его обмывали и одевали на него чистую, по возможности новую одежду: кальсоны, нижнюю рубашку из полотна «бязь», бешмет, черкеску. На ноги одевали чулки матерчатые, типа «ноговиц» или легкие тапочки. По желанию родных не запрещались и туфли.

Для отпевания гроб с телом переносился или перевозился в храм. В конце службы отпевания священник читал «разрешительную» молитву. Молитва разрешала бывшие на умершем казаке «запрещения» и отпускала ему грехи, то есть покойный с миром уходил в загробную жизнь. После этого тело казака обертывалось саваном, и священник посыпал его крестообразно землей, гроб закрывался крышкой и умершему пели «Вечную память». После отпевания гроб с телом умершего переносили (перевозили) на кладбище. При похоронах казака, павшего в бою или на службе, за гробом шел конь под черным чепраком и притороченным к седлу холодным оружием казака, затем его родные, близкие, друзья, знакомые.

Сохранялись молитвы казака, как обыденная важная традиция. Молитвы, которые должен знать каждый казак: «Начальная молитва», «Молитва Святому Духу», «Отче наш», «Верую».

Субкультура в обыденной жизни сохранялась дольше, чем она менялась в политико-социальной и социально-экономической жизни, поэтому особенно быстро она менялась у казачьей элиты. [9, с. 172].

1. Летопись Самовидца. Научно подг. изд. Киевской Археографической Комиссии под ред. и вст. ст. О. Левицкого. – Киев, 1878; переизд. Институтом истории АН УССР. Киев, 1971.

2. *Гаврищук М.Л.* Календарная обрядовая поэзия Брянского края: проблематика. Поэтика. Современное бытование. Диссер. канд. филолог. наук. – Орел, 2007. – 179 с.

3. ГАЧО, ф. Р. 1400, оп. 1, д. 34.

4. Архив филиала БГУ. Папка: 070210 Верещаки: Елисеенко Нина Макаровна, 1937 г.р., Хомякова Анастасия Ивановна 1932 г.р., Пыленок Татьяна Федосовна 1929 г.р., Ковалева Нина Николаевна 1932 г.р.: Папка диктофонов 1: Ws 10114: t 03:25.

5. *Мищенко Т.А., Белугина О.В.* Казак как символ идентичности в исторической памяти и песенном фольклоре жителей юго-запада Брянщины // Социально-экономические основы развития казачества современной России: Сб. науч. трудов. – М., 2011. – № 7.

6. *Федосов П.С.* Казачьи традиции и обряды. – Ставрополь, 2004.

7. Казаки. Народы России. Атлас культур и религий. – М.: Дизайн. Информатика. Картография, 2010. – 320 с.

8. *Федосов П.С.* Казачьи традиции и обряды. Ставрополь, 2004. – 448 с.

9. *Дзюбан В.В.* Субкультура Брянского (Северского) казачества в историческом и социокультурном аспектах (XVI-XXI вв.): диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.01 / Дзюбан Валерий Валериевич. – Курск, 2015. – 587 с.